

Г л а в а 49.

Противъ тѣхъ, которые говорятъ, что бывающее на литургіи воспоминаніе Святыхъ есть священническая за нихъ молитва къ Богу.

Но здѣсь нѣкоторые впали въ заблужденіе, почитая воспоминаніе Святыхъ не благодареніемъ, но молитвою за нихъ къ Богу. Не знаю, что имъ подало поводъ къ такому образу мыслей; потому что думать такъ несообразно ни съ самымъ дѣломъ, ни съ словами священнодѣйствія. И что дѣйствительно существо дѣла далеко не допускаетъ этого, — видно изъ слѣдующаго. Если Церковь молится за Святыхъ, то, конечно, молится также, какъ обыкновенно молится вездѣ. Чего же она испрашиваетъ усопшимъ? Оставленія грѣховъ, наслѣдія царства, упокоенія въ лонѣ Авраама вмѣстѣ съ достигшими совершенства Святими. Вотъ молитва Церкви; кромѣ этого не найдешь ничего, чего бы она испрашивала преставившимся. Этимъ ограничивается наша ходатайственная молитва къ Богу: ибо не обо всемъ, чего бы только кто ни пожелалъ, можно и молиться, но и здѣсь есть законъ и предѣлъ, котораго нельзя преступать. *О чемъ бо помолимся, говоритъ (Апостоль), якоже подобаетъ, не въмы, но самъ Духъ ходатайствуетъ о насъ (Римл. 8, 26),* то есть, какъ предали Учители Церкви, научаетъ насъ, о чемъ должно молиться. Итакъ разсмотри, есть ли во всѣхъ священнодѣйствіяхъ и священнословіяхъ что-нибудь сверхъ сказаннаго, о чемъ бы молилась Церковь, и — не найдешь ничего. Слѣдовательно (молясь за Святыхъ,

священники) будутъ испрашивать неповиннымъ отпущенія грѣховъ, какъ будто бы онѣ были еще виновны и подлежали суду; будутъ испрашивать Святымъ, какъ еще не освященнымъ, упокоенія со Святыми; будутъ испрашивать совершенія совершеннымъ, какъ еще не достигшимъ совершенства. А такимъ образомъ они по необходимости погрѣшаютъ въ одномъ изъ двухъ: или, признавая блаженство и совершенство Святыхъ, они добровольно хотятъ пустословить предъ Богомъ и сплетать напрасную о нихъ молитву, что скорѣе свойственно людямъ, смѣющимся надъ предметами божественными, чѣмъ священникамъ; или, совершая молитвы серьезно, съ мыслию принести чрезъ нихъ пользу Святымъ, они отвергають славу Святыхъ, а это значитъ хулить не только ихъ, но и самаго Бога, какъ будто не исполнившаго обѣтованій, такъ какъ Онъ обѣщаль прославить ихъ и даровать имъ царство. Лучше же сказать, и то и другое есть явная хула: одно потому, что совершенно отвергають блаженство Святыхъ, а другое потому, что постунають такъ, какъ отвергающіе; ибо кого признають блаженными, какъ причисленныхъ къ части сыновъ, и какъ послѣдниковъ самаго царства, тѣхъ самыхъ чрезъ то, что хотятъ подобнымъ образомъ молиться за нихъ, явно ставятъ наравнѣ съ незаслужившими награды, съ недостойными чести и съ виновными. Такъ-то по самому существу дѣла оказывается нелѣпымъ, если кто думаетъ, что бывающее отъ Церкви приношеніе Богу за Свя-

тыхъ есть приношеніе ходатайственное. Теперь
 посмотримъ и па самыя слова. *Еще приносимъ
 ти словесную сію службу о иже въ вѣрѣ
 почившихъ праотцѣхъ, патріарсѣхъ про-
 роцѣхъ, апостольхъ, проповѣдницѣхъ, е-
 вангелистѣхъ, мученицѣхъ, исповѣдни-
 цѣхъ, воздержницѣхъ, и о всякомъ дусѣ,
 въ вѣрѣ скончавшемся; изрядно о пресвя-
 тѣй, пречистѣй, преблагословеннѣй, слав-
 нѣй владычицѣ нашей Богородицѣ и присно-
 дѣвъ Маріи;—о святомъ Іоаннѣ, пророкѣ, кре-
 стителѣ и предтечѣ, о святыхъ и всехваль-
 ныхъ апостолахъ, и о всѣхъ святыхъ, ихъ же
 молитвами постѣти насъ, Боже. И помяни
 всѣхъ усопшихъ въ надеждѣ воскресенія и
 жизни вѣчныя.* Въ этихъ словахъ не содержится
 никакой молитвы къ Богу о Святыхъ и священ-
 никъ не испрашиваетъ имъ ничего, о чемъ обы-
 кновенно молится. Поминая другихъ усопшихъ
 вѣрныхъ, онъ тотчасъ присовокупляетъ моли-
 тву за нихъ; упокой ихъ, говоритъ, идѣже при-
 сѣщаетъ свѣтъ лица Твоего; а по отношенію ко
 Святымъ поступаетъ совсѣмъ иначе. Не за нихъ
 онъ ходатайствуетъ, а напротивъ ихъ выста-
 вляетъ ходатаями; ибо, назвавъ и перечисливъ
 Святыхъ, присовокупляетъ: *ихъ же молитвами
 постѣти насъ, Боже.* Но что особенно показы-
 ваетъ, что въ этихъ словахъ заключается не
 моленіе и молитва, но благодареніе за Святыхъ,
 это то, что здѣсь, въ списокѣ Святыхъ помѣ-
 щается и Божія Матерь; а она не была бы по-
 мѣщена, еслибы этотъ ликъ имѣлъ нужду въ

какомъ либо ходатайствѣ, потому что она выше всякаго ходатайства не только іерархіи человѣческой, но и ангельской, какъ несравненно святѣйшая и самыхъ горнихъ умовъ. Но вѣдь Христось, скажешь, совершаетъ это священнодѣйствіе: что же удивительнаго, если Онъ и ходатайствуетъ и о Святыхъ и о самой Матери? Но для этого нѣтъ никакого основанія, потому что не таковъ способъ ходатайства Христа. Христось содѣлался ходатаемъ Бога и человѣковъ, но не чрезъ какія либо слова и молитвы, а чрезъ самаго Себя, такъ какъ, будучи Богомъ и содѣлавшись человѣкомъ, соединилъ Бога съ человѣками, поставивъ самаго Себя въ предѣль, гдѣ входятъ въ общеніе то и другое естество (Божеское и человѣческое). Думать же о Немъ, что Онъ непрестанно ходатайствуетъ чрезъ молитвы священнодѣйствія, это — всевозможная хула и нелѣпность.

Въ самомъ дѣлѣ, хотя Онъ самъ совершаетъ священнодѣйствіе, но не все, что тамъ бываетъ и говорится, слѣдуетъ приписывать Ему. Что составляетъ сущность и цѣль тайноводства, то есть освященіе даровъ и освященіе вѣрныхъ, то совершаетъ Онъ одинъ; а молитвы объ этомъ и прошенія и моленія—дѣло священника. Ибо то свойственно Владыкѣ, а это — рабу. Одинъ молится, а другой исполняетъ молитвы; Спаситель даруетъ, а священникъ благодаритъ за дарованное; священникъ приноситъ, а Спаситель пріемлетъ дары. Приноситъ, конечно, и Господь: но—самаго Себя Отцу и эти дары, когда они

стаповятся Имъ самимъ, когда преложены въ Его тѣло и кровь. И какъ Онъ самаго Себя приносить, поэтому говорится что Онъ есть и приносяй, и приносимый, и приѣмляй,—приносяй и приѣмляй, какъ Богъ, а приносимый—какъ человекъ. А пока дары бываютъ хлѣбомъ и виномъ, приносятъ ихъ священникъ, а приѣмлетъ Господь.

Какимъ же образомъ Господь приѣмлетъ дары? Освящая ихъ, прелагая въ свое тѣло и кровь: ибо принимать значить, какъ сказано выше, усвоить себѣ. Вотъ какимъ образомъ Христосъ совершаетъ это священнодѣйствіе! Вотъ то, что доставляетъ Ему священство! Если же кто, сверхъ сказаннаго, и молитвы тайноводства, или всѣ, или нѣкоторыя, будетъ считать словами Христа, то онъ по этому ничѣмъ не будетъ отличаться отъ нечестивцевъ, которые дерзнули умалять славу Его. Прочитай всѣ молитвы, и увидишь, что въ нихъ всѣ слова—слова рабовъ. Прочитай и ту молитву, въ которой (священникъ) воспоминаетъ Святыхъ и которую дерзають приписывать Христу,—и поймешь, что въ ней ничто не прилично равночестному съ Отцемъ Сыну, но все свойственно рабамъ. И во первыхъ, она есть благодареніе не отъ имени одного лица, но отъ всего рода (человѣческаго), и благодарящіе благодарятъ въ ней, какъ согрѣшившіе и не презрѣнные человеколюбіемъ Божиимъ. Далѣе, это благодареніе относится не къ одному Отцу, но и къ Сыну и къ Духу Святому; и благодарящіе воспоминаютъ здѣсь Божию Матерь, какъ рабы—Владычицу,

а молитвами Ея и Святыхъ испрашиваютъ себѣ Божія посѣщенія и промышленія. А это какое имѣетъ отношеніе къ единому Господу, Сыну Божію Единородному, Безгрѣшному, Владыкѣ всяческихъ? Благодаримъ Тебя, говорится въ молитвѣ, и Сына твоего единороднаго. Слѣдовательно Христосъ благодаритъ Сына Божія единороднаго? Въ такомъ случаѣ явятся два сына, согласно съ безумнымъ ученіемъ Несторія. Такъ нечестиво и несмысленно признавать здѣсь Христа ходатайствующимъ за Святыхъ и усвоятъ Ему такого рада ходатайство и заступничество. Между тѣмъ показано, что это даже и не ходатайство священниковъ. Остается, значитъ, допустить, что эти слова составляютъ не моленіе, но благодареніе. Такъ, скажешь; но рѣчь не допускаетъ этого: она ясно даетъ разумѣть моленіе, потому что предлогъ $\upsilon\pi\epsilon\sigma$ (о, за) именно это означаетъ. Не непременно; потому что не вездѣ указываетъ на того, кто проситъ. Мы употребляемъ это выраженіе не только тогда, когда умоляемъ, но и тогда, когда благодаримъ. Это видно изъ многихъ мѣстъ и даже изъ самой настоящей молитвы. « Θ ($\upsilon\pi\epsilon\sigma$) спихъ всѣхъ, говорится въ ней, благодаримъ Тя, и Единороднаго твоего Сына, и Духа Твоего Святаго, \omicron ($\upsilon\pi\epsilon\sigma$) всѣхъ, ихъ же вѣмы и ихъ же не вѣмы; благодаримъ тя и \omicron ($\upsilon\pi\epsilon\sigma$) службѣ сей, юже отъ рукъ нашихъ пріяти изволилъ еси». Видишь, предлогъ $\upsilon\pi\epsilon\sigma$ (о, за) употребляется и о благодареніи? Слѣдовательно къ этому заблужденію не остается ни-

какого повода. Такимъ образомъ невозможно, чтобы воспоминаніе Святыхъ было молитвенное. А что оно благодарственное, видно изъ того самаго, что оно не молитвенное; пбо необходимо одно изъ двухъ: или оно должно быть молитвенное, или благодарственное. Только этими двумя способами мы воспоминаемъ предъ Богомъ бывшія на насъ Его благодѣянія, или для того, чтобы получить ихъ, или потому, что уже получили. И одно (изъ сихъ воспоминаній) есть моленіе, а другое—благодареніе. Да это же видно и изъ того, что совершенство Святыхъ есть величайшій изъ всѣхъ даровъ Божіихъ человѣку, и потому было бы несправедливо, если бы Церковь не исповѣдывала за нихъ благодарности Богу. Но зачѣмъ я называю совершенство Святыхъ величайшимъ даромъ Божіимъ? Въ немъ совмѣщаются всѣ дары Божіи: потому что лики Святыхъ—вотъ цѣль, вотъ плодъ всѣхъ благъ, которыя Господь оказалъ роду нашему. Ради этого создано намъ небо, и земля, и все видимое. Для того рай, для того Пророки, для того Самъ Богъ во плоти, и божественное ученіе, и дѣла, и страданія, и смерть,—чтобы люди переселились отъ земли на небо и содѣлались наслѣдниками небеснаго царства. И такъ, если въ этомъ священнодѣйствіи есть вообще благодареніе, и если эти дары столько же благодарственные, какъ и умиловительные, то совершенно необходимо, чтобы сами, достигшіе совершенства, Святые составляли главный предметъ и причину благодаренія.

Вообще же, что засгавляетъ насъ благодарить? Не то ли, что мы просимъ и получаемъ просимое? Чего же Церковь просить оъь Бога? Того, что ей заповѣдано просить, то есть царствія Божія, дабы вѣрныя наслѣдовали его, дабы содѣлались святыми по звавшему ихъ Святому. Если же она оъь этомъ просить и молить Бога, то, очевидно, за это же самое и благодарить. Она молится, чтобы вѣрныя совершенны были во святынѣ, и потому ей необходимо слѣдуетъ за достигшихъ уже совершенства Святыхъ воздавать благодарность Тому, кто доставилъ это совершенство. По этому-то благодаренію за Святыхъ, самое таинство называется благодареніемъ. Ибо, хотя (Церковь) воспоминаетъ здѣсь и многое другое, но Святые составляютъ цѣль всего, и ради ихъ все то испрашивается; посему, когда она за то благодаритъ, — благодаритъ за совершенство Святыхъ. Какъ Господь все, что сдѣлалъ, сдѣлалъ для того, чтобы составить ликъ Святыхъ, такъ и Церковь, когда прославляетъ Его за все то, прославляетъ, взирая на ликъ Святыхъ. По этой причинѣ Спаситель, когда предалъ сіе таинство, предалъ съ благодареніемъ Отцу, такъ какъ чрезъ Него Онъ имѣлъ открыть намъ небо и собрать тамъ этотъ великій соборъ первородныхъ, По Его примѣру и Церковь творитъ приношеніе даровъ не только молитвенное, но и благодарственное. Это видно и изъ многаго другаго, но въ особенности изъ той молитвы, которая какбы обнимаетъ со-

бою цѣль священнодѣйствія. Здѣсь, изложивъ все, дарованное намъ отъ Бога, и возблагодаривъ за все, и наконецъ сказавъ и о явленіи Господа во плоти, и о преданіи таинства, и о томъ, какъ Онъ заповѣдалъ и намъ творить тоже, (Церковь) присовокупляетъ: «поминающе убо спасительную сію заповѣдь, и вся яже о насъ бывшая, крестъ» и проч.; за тѣмъ, исчисливъ все, послѣдовавшее за крестомъ, говоритъ: «твоя отъ твоихъ Тебѣ приносяще о всѣхъ и за вся, Тебе поемъ, Тебе благословимъ, Тебе благодаримъ, Господи, и молимся, Боже нашъ». Видишь? Поминая, говоритъ, благодаренія, мы совершаемъ это дароприношеніе. А чтить благодѣтеля дарами за дарованныя уже намъ блага значитъ благодарить. За тѣмъ, чтобы еще яснѣе показать благодареніе, говорить: принося это приношеніе, мы Тебя поемъ, Тебя благословляемъ, Тебя благодаримъ, Господи, и молимся Тебѣ, Боже нашъ. Таково, по словамъ Церкви, намѣреніе, съ которымъ приносятся дары: это, какъ мы сказали сначала, — прославленіе, благодареніе, моленіе, такъ что это приношеніе есть виѣсть и благодарственное и молитвенное. И это мы дѣлаемъ, говоритъ (Церковь), помня двѣ вещи, — заповѣдь, которую намъ далъ (Господь), говоря: *сіе творите въ мое воспоминаніе*, и все, что ради насъ было сдѣлано. Ибо память о благодареніяхъ побуждаетъ насъ только къ воздаянію и вообще къ принесенію чего-либо тому, кто оказалъ намъ столь безчисленныя милости;

а память заповѣди научаетъ насъ и самому образу воздаянiя и тому, какъ надобно приносить дары. То самое приношенiе предлагаемъ мы, которое самъ Единородный показалъ Тебѣ, Богу и Отцу, и принося, благодаримъ, потому что и Онъ, показавъ, благодарилъ. Посему мы ничего не приносимъ отъ себя въ это дароприношенiе: ибо и дары — не наше дѣло, но принадлежатъ Тебѣ, Создателю всего, и этотъ образъ служенiя — не наше изобрѣтенiе, — нѣтъ, не сами мы и возжелали его, не сами по себѣ и не по собственному побужденiю и пришли къ нему, — но Ты самъ насъ научилъ, самъ побудилъ чрезъ Единороднаго Сына. Поэтому, что мы приносимъ Тебѣ изъ твоего, что Ты намъ далъ, то — Твое во всемъ и по всему. Такимъ образомъ и за самое это благодарственное приношенiе мы опять обязаны новою благодарностию Богу, такъ какъ въ немъ нѣтъ ничего нашего, но все оно — даръ Божiй; даже и то самое, что мы его желаемъ и приводимъ въ исполненiе, Богъ производитъ въ насъ, по словамъ божественнаго Апостола. Посему-то въ молитвахъ говорится и это: «благодаримъ Тя и о службѣ сей, юже отъ рукъ нашихъ прiяци изволилъ еси». — И такъ вотъ что научаетъ насъ, что бывающее на литургiи воспоминанiе Святыхъ есть не молитва за нихъ къ Богу, но — благодаренiе.